

Проблемы русской философии

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2025.4.184

Становление и развитие отечественной философско-логической традиции в духовных учебных заведениях второй половины XVI – начала XVIII веков¹

В.А. Иноземцев¹, В.Ю. Ивлев^{1,3}, М.Л. Ивлева²

¹ ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (Национальный исследовательский университет), г. Москва

² ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы», г. Москва

³ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

Цель статьи заключается в изучении процесса формирования традиции преподавания философии и логики в рамках направления, получившего название «русской схоластики». Проведен анализ феномена «русской схоластики», хронологически охватывающего собой исторический период с конца XVI по начало XVIII в. и связанного с деятельностью православных духовных учебных заведений: православных братских школ, возникших во второй половине XVI в. в литовско-русских землях Речи Посполитой и появившихся во второй половине XVII в. в допетровскую эпоху Киево-Могилянской академии и Московской славяно-греко-латинской академии. Результаты. На основе изучения данного феномена установлено, что в этот период на смену монастырской образованности и учености, основанной на личной практике общения между наставником (духовником) и учениками и направленной на формирование духовного образа ученика, приходит школьная (схоластическая) ученость, при которой транслируется некая совокупность знаний, теологически ориентированных, но не зависящих непосредственно от личности учителя. Происходит постепенный переход к формированию образованности в современном значении этого слова. Результаты исследования могут быть использованы в совершенствовании методологических компетенций как у преподавателей философских дисциплин, так и у обучающихся.

Ключевые слова: философия, логика, «русская схоластика», духовные учебные заведения, православные братские школы, Киево-Могилянская академия, Московская славяно-греко-латинская академия.

¹ Данная статья была опубликована ранее на английском языке: Ivleva M., Ivlev V., Inozemtsev V., Oseledchik M. Formation of the Native Philosophical and Logical Tradition in Theological Educational Institutions in the Second Half of the 16th - Early 18th Centuries // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 3rd International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2018). 2018. Vol. 233. P. 101–105.

Введение

В последнее время наметился устойчивый научный интерес к исследованию русского философского сознания, который позволяет не только констатировать некоторые интеллектуальные достижения на этом пути, но и обозначить имеющиеся лакуны. Одной из таких лакун является изучение формирования отечественной философской и логической традиции в конце XVI – начале XVIII вв. В указанный период философия и логика становятся мощным инструментарием для становления уникального типа рациональности – рациональности европейского образца эпохи Нового времени, но на особый русский лад.

Древнерусское любомудрие не питало особых пристрастий к системности и рациональности; отечественная мысль этого периода, не доверяя человеческому рассудку, тяготела к логосу – категории, которая включала в себя и слово, и мышление, и образы. Большинство понятий, идей, образов и категорий основополагающей для европейской культуры эллинской цивилизации Русь получила от Византии как главной хранительницы античного наследия. При этом в отличие от западноевропейской культуры, основным языком которой была латынь, древнерусское любомудрие с самого начала пользовалось собственным языком – языком славянских первоучителей Кирилла и Мефодия, создавших славянскую азбуку и переведших Библию. В XI–XIII вв. можно говорить о русской философии как о сложившемся явлении; в XIV–XV вв. она переживает свой расцвет. При этом основными чертами русской философии этого периода является удивительная включенность ее в контекст культуры, взаимосвязь с литературой, искусством (особенно с иконописью и фресковой живописью), богословием, экзегетикой и т. д., выразившаяся в том, что философствование на Руси не носит характера трансляции знания в понятийно-логической форме. Древнерусское любомудрие – это не наличие знаний о мире, выраженных в категориальной форме, а способ бытия в мире, научение которому включает в себя не только «знание» (выражавшееся главным образом в форме «начетничества»), но и «умное делание» и подвиг.

Для адекватного понимания сущности средневекового философского мирозерцания необходимо помнить о его принципиальном делении на философию «внутреннюю» и философию «внешнюю». Если под первой подразумевалась любовь к мудрости христианской, прежде всего святоотеческой, ориентированной на Богопознание и спасение, то под второй – любовь к мудрости мирской, прежде всего языческой, направленная на постижение вещей мирских, более низкая по статусу, нежели первая, но все же важная «для исправления ума». Не случайно, например, Иоанн Дамаскин – аристотелик по преимуществу – считался не только почитаемым гимнографом и богословом, но и логиком (достаточно вспомнить его «Диалектику»). Однако основным направлением философии оставалось все же синкретическое восприятие философии как мудрости, а не как системы знаний. Понимание философии как практического, жизнестроительного, учащего не словом, а делом духовного наставничества, как путь к исцелению человеческой души, было скорее христианской интерпретацией ее сократического понимания как практической морали.

«Русская схоластика» как феномен духовной культуры допетровской эпохи

В эпоху западноевропейского Ренессанса и в начале Нового времени (XVII в.) с их ориентацией на достоинство и мощь человеческого, а не

божественного разума, в отечественной философской традиции формируется новое направление, получившее название «русской схоластики» (или «slavia scholastica»). Хронологически данное явление охватывает собой исторический период с конца XVI по начало XVIII в., когда на смену монастырской образованности и учености, основанной на личной практике общения между наставником (духовником) и учениками и направленной на формирование духовного образа ученика, приходит школьная ученость. Эта такая ученость, при которой транслируется некая совокупность знаний, теологически ориентированных, но не зависящих непосредственно от личности учителя. «Формирование образа» сменяется в этот период «образованностью» в современном значении этого слова.

Творческое наследие представителей «русской схоластики», сформировавшейся в период становления профессионального гуманитарного образования в литовско-русских землях (это связано с деятельностью на территории Речи Посполитой православных братских школ, а также Киево-Могилянской академии и Московской славяно-греко-латинской академии, позже преобразованной в Московскую Духовную академию), огромно. Именно новый тип рациональности, формирующийся в период становления и расцвета «русской схоластики», явился фундаментом для построения русской метафизики XVIII–XX вв. Работа по прояснению этого типа рациональности еще только начинается.

Православные братские школы начинают появляться в литовско-русских землях Речи Посполитой с конца XVI в., причем за основу берется западный, точнее латино-польский образец, далеко не отличавшийся своей однородностью. В XVI в. польская образованность испытала на себе влияние идей ренессансного гуманизма и Реформации. Однако во второй половине этого столетия именно Польша становится форпостом контрреформации.

Главными сторонниками контрреформации в Польше были иезуиты – убежденные представители томизма, призванного со времен Тридентского собора быть основной идеологией католицизма. Однако томизм иезуитов в польских коллегиях в значительной степени отличался от реального учения Фомы Аквинского, основанного на необходимости поиска гармонии между верой и разумом, между Библией и Аристотелем, между тварью и Творцом. Иезуиты стремились к тому, чтобы воспитать верных сынов римско-католической церкви, готовых подчинить свой разум ее авторитету, служить ее интересам и защищать их в своих школах. Во главу преподавания ставилось «истинное» схоластическое богословие, которому должны были подчиняться и философия, и наука, при этом философия истолковывалась в духе «истинной схоластической теологии» и в основу философского образования ставилось следование признанному католической церковью авторитету. В силу такого требования профессор философии не должен был ни вводить новых мнений, ни трактовать новых вопросов, основание которых нельзя было бы найти у авторитетных философов, ни защищать ничего противного этим авторитетам – Фоме Аквинскому и Аристотелю.

Таким образом, система образования, рекомендованная иезуитами, не отвечала общим гуманистическим требованиям эпохи, являя собой пример (причем не лучший) католической контрреформации. Между тем, именно польская образованность в том виде, в каком она сформировалась в период католической контрреформации, оказала огромное влияние на становление русского образования в XVI–XVII вв. Латино-польские иезуитские школы

предлагали такую систему образования, которая могла стать основанием для борьбы, предпринятой православными братствами против самих же иезуитов. Кроме того, космополитический характер польских школ оказался как нельзя более созвучен глубинным трансформациям внутри самого русского сознания.

До конца XVI столетия общий уровень просвещения населения литовско-русских земель был достаточно низким; школ было мало, да и в тех обучение ограничивалось исключительно умением читать церковно-богослужебные книги и писать. Только со времени Люблинской унии и появления в литовско-русских землях иезуитов, когда усиливавшаяся пропаганда католицизма стала серьезно угрожать православию, в южнорусской ученой среде постепенно формируется осознание необходимости научного образования. При этом неправославные учебные заведения, в особенности иезуитские, славились как научными формами преподавания (в том числе и латинского языка, бывшего в конце XVI в. универсальным языком науки), так и огромной эрудицией профессоров. Образованным жителям русских земель Речи Посполитой грозила нешуточная опасность утраты собственной религиозной идентичности.

Результатом осознания этой опасности становится создание православных братских школ в Остроге, Львове, Вильне и ряде других городов Речи Посполитой. Прототипом таких школ явилась Львовская, по ее образцу создавались школы в тех городах западных и юго-западных русских земель, где зависимость от польского влияния ощущалась наиболее сильно. С самого начала эти школы имеют огромное преимущество перед другими школами – прежде всего, юридического и организационного характера.

Программы наук, преподававшихся в братских школах, фиксировались в патриарших и королевских грамотах, данных этим школам, именуемым как греко-латино-славянские. Из этих грамот следует, что учеников школ обучали не только чтению и письму, но и завершали образование сообщением сведений философского и богословского характера. Следует отметить, что науки философского плана вводились в преподавание постепенно, а иногда и вытеснялись чисто филологическими дисциплинами.

В старейшей из братских школ – львовской – на первых порах ее существования учили только читать и писать. Потом, по благословению патриарха Иоакима в 1586 г. открывается преподавание греческого и славянского языков. Есть свидетельства, что до 1620 г. в львовской братской школе учили русской грамматике и латинской словесности, после 1620 г. по благословению патриарха Феофана были введены в круг преподавания греческий и польский языки [9]. Примерно такая же программа наук существовала и в других братских школах.

Состав наук, изучаемых в школах, восходит к традиционному схоластическому делению на «семь благородных искусств»: грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку. В рамках данной работы наибольший интерес представляет собой единственная философская дисциплина – диалектика. К сожалению, ни одного учебника по диалектике, преподаваемой в братских школах, не сохранилось, однако по некоторым документам можно установить, что эта дисциплина отличалась от логики в узком смысле этого слова. Судя по тому, что учителями в братских школах были в основном греки, можно с большой долей вероятности считать, что основой для преподавания диалектики была «Диалектика» Иоанна Дамаскина, одна из задач

которой заключалась в объяснении философской терминологии, т. е. в пропедевтике к последующему философскому образованию. Заслуживает внимания тот факт, что знаменитый русский мыслитель и политический деятель Андрей Курбский, имевший непосредственное отношение к братским школам, перевел из «Диалектики» Дамаскина Главу 4 – «О философии». При этом перед Курбским стояла достаточно трудная по тем временам задача – выработать оригинальную богословско-философскую терминологию на русском языке. Круг философского и логического знания не ограничивался только Дамаскиным, более того, включение иных авторов даже поощрялось уставами школ.

Философия, как и прочие науки, изучалась и по записям лекторов, и по печатным руководствам (о чем имеются документальные свидетельства) [12, с. 249]. При этом очень характерен взгляд братства на традиционную философию и логику, когда в пункте 24 «Советов о благочестии» определяется всякому мыслящему брату не основываться на латинских силлогизмах и не обучаться им. Курбский при переводе Главы 4 «Диалектики» Дамаскина также неодобрительно отзывается о языческой силлогистике и софистике. Однако негативное отношение к последним связано не с низкой оценкой роли логики и процессе философского мышления в целом, а с извращенными философскими тенденциями тогдашней иезуитской науки.

Специфика образования в петровскую эпоху

С началом петровских реформ образование становится светским. Если одной из основных задач братских школ было сформировать систему знаний, позволяющих выжить в ситуации постоянной римско-католической интеллектуальной экспансии, то цели петровской эпохи – иные. Стало очевидно, что на традиционной грамотности нельзя было привить и развить европейское просвещение, познакомить людей с кругом естественнонаучных представлений, основами математических и технических знаний.

Петровская администрация, приступая к реформированию отечественного образования, выказала себя сторонницей крайне утилитарного подхода. В силу этого петровская администрация преимущественное внимание уделяла организации специальных учебных заведений среднего типа. Артиллерийская и Навигацкая школы Я. Брюса и А. Фарварсона, открывшиеся в 1701 г., медицинское училище доктора Н. Бидлоо, приступившего к обучению в 1707 г., равно как и «цифирные школы», появившиеся в российском педагогическом пространстве по указу от 28 февраля 1714 г., не давали ничего, кроме начального специально-технического образования. Так, в Навигацкой школе занятия начинались с грамоты. Учеников разночинцев учили чтению, письму, счету, а затем отправляли в помощники лекарям, либо отсылали в канцелярии. Что касается дворян, то они продолжали заниматься геометрией, тригонометрией, навигацией, астрономией и географией – науками морского офицера. После смерти Петра I эти школы развалились, что становится очевидным из рапорта Адмиралтейской коллегии Сенату, помеченного 1750 г.: «Печально пало любимое детище Петра – «навигацкая наука», – грустно резонирует по данному поводу В.О. Ключевский [7, с. 149].

В деле развития образования, в частности в успешной трансляции философских знаний, огромную роль играли связи самого разного рода, возникавшие у России с зарубежными странами. Следует отметить русско-немецкие связи, особенно контакты с пиетистскими образовательными

учреждениями в Галле и Нюрнберге. Сложнее дело обстояло с Польшей, где усилиями членов ордена Иисусова был создан надежный барьер, препятствующий проникновению философских идей, отмеченных печатью деизма и пантеизма (спинозизм, материалистически истолкованное картезианство), на территорию нынешней Украины и, косвенно в Россию.

На первом этапе образовательных реформ немаловажное значение имели различные иностранные учебные заведения, большая часть которых находилась в Москве. Прежде всего, следует упомянуть училище, возглавляемое пробстом Э. Глюком, после смерти которого в 1705 г. училищем стал руководить В. Пауз. Помимо простых предметов, составлявших круг начального обучения, лютеранские наставники планировали ознакомить своих воспитанников с «философией картезианской». Иезуиты, державшие в Москве конкурирующее учебное заведение, преподавали латинский язык, математику и военное дело. Даже в далеком Тобольске какое-то время существовала школа пленного шведского офицера фон Вреха. По мере того, как национальные учебные заведения становились на ноги, нужда в иностранных школах, естественно, отпадала. Процесс этот затянулся – так, в эпоху Александра I петербургские иезуитские школы привлекали в свои стены толпы высокородных недорослей [20].

Средние специальные учебные заведения не восполняли отсутствия высшей школы, а именно университета и академии, где, помимо прочих предметов, преподавалась бы и философия. Попытки создания такой академии прослеживаются с начала XVII в., когда Борис Годунов пытался пригласить в Россию немецких учителей, от чего ему все же пришлось отказаться по причине противодействия духовенства. В 1632 г. в Москве вновь была предпринята попытка создать школу с полным гуманитарным образованием. Так, Адам Олеарий свидетельствует о наличии школы Арсения Грека в 1634 г. Заметными вехами на пути становления академической философии явились: учреждение греко-латинской школы при Патриаршем дворе, более известной в истории под названием Ртищевской (время деятельности 1648-1673 гг.), открытие Спасской школы (действовала с 1665 по 1667 г.) и, наконец, организация Типографской и Богоявленских школ (в период с 1682 по 1685 гг.). В перечисленных выше учебных заведениях науки не излагались систематически, ученики получали лишь отрывочные, поверхностные знания, вот почему с открытием Московской славяно-греко-латинской академии деятельность названных училищ постепенно затухает [14]. Все это не могло не сказаться на характере преподавания философских знаний, и логических знаний в том числе. Профессиональное философское образование в России берет свое начало от лекций, читавшихся в стенах Киево-Могилянской и Московской славяно-греко-латинской академий.

Роль Киево-Могилянской академии в развитии отечественной философско-логической традиции

Выполняя преимущественно функцию сохранения чистоты православной веры, до-могилянские школы не могли конкурировать с инославными коллегиями по качеству образования, т. е. не выполняли своей непосредственной задачи: быть носителями и субъектами просвещения. Эта просветительская задача была выполнена только с образованием Киево-Могилянской академии [1; 4–6; 13; 18]. Обращение к сочинениям профессоров Киево-Могилянской академии естественно еще и потому, что, начиная с периода создания этой академии, в ней

начинает преподаваться философия, и она становится научной дисциплиной наряду с другими науками. Определенная попытка изложения философских знаний была сделана еще и в Острожской академии, и в братских школах Речи Посполитой, и в школах при крупных монастырях в Московской Руси. Но только в Киево-Могилянской академии философия становится систематически преподаваемой дисциплиной.

Основание Киево-Могилянской академии как высшего учебного заведения относится к 1632 г. (после соединения Киевской братской и Лаврской школ; до 1701 г. это образовательное учреждение называлось Киевской коллегией). Основатель Киевской академии Петр Могила являлся выдающимся деятелем украинской культуры, видным просветителем, философом, богословом. В академии (коллегии) в качестве обязательных дисциплин были грамматика, риторика, диалектика, арифметика, музыка, геометрия, астрономия и теология. В академии также успешно преподавались латинский, греческий, древнееврейский языки, география, механика, психология, медицина.

Основным методом обучения в академии на протяжении XVII в. был схоластический метод. Однако сам феномен формирования «русской схоластики» как особой формы русской учености достаточно показателен: именно рационализм и просветительский характер преподавания в академии трансформирует концепцию знания, делая его инструментом (в том числе – и в межконфессиональной борьбе). Школа давала своим питомцам основательное знание латинского языка – универсального языка науки; кроме того, занятия риторикой заметно повлияли на становление литературного языка, а занятия философией приучали к умственной работе, последовательному мышлению, точности дефиниций.

Среди профессоров Киевской академии, чьи рукописные курсы дошли до нашего времени, наиболее заметными считаются Иннокентий Гизель, Иоасаф Крюковский, Стефан Яворский, Феофан Прокопович, Христофор Чарнуцкий, Георгий Конисский и некоторые другие. Традиционно в литературе выделяют два основных направления в рамках Киево-Могилянской академии. Во-первых, консервативное направление (Стефан Яворский, Христофор Чарнуцкий и Гедеон Вишневский), в рамках которого схоластическое влияние было более сильным. Во-вторых, научно-просветительное направление (Феофан Прокопович, Гавриил Бужинский, Михаил Козачинский и Георгий Конисский), где более заметно интенции Нового времени. Общее динамическое движение «от Логоса – к логике», характерное для эпохи в целом, достаточно отчетливо выражено в философских курсах представителей и первого, и второго направлений.

Если попытаться оценить философские курсы профессоров Киево-Могилянской академии в целом, то достаточно очевидными являются как собственно схоластические составляющие этих курсов (прежде всего, форма, связанная с многочисленными дистинкциями и дефинициями, обращениями к Библии, сочинениям святых отцов и Аристотелю), так и нововременное их содержание. Содержащаяся в них критика томизма, а во многих случаях и других течений второй схоластики, была направлена против философско-теологических учений, используемых как «идейное оружие для католической экспансии» [11, с. 9], что способствовало формированию самоидентичности русских жителей Речи Посполитой как православного народа, способного этой экспансии противостоять.

Кроме того, неизбежная рационализация знания, осуществляемая посредством школьного преподавания гуманитарных (духовных) дисциплин, являлась – в исторический период рубежа XVII–XVIII вв. и петровских преобразований – уже проектом Нового времени, с его ориентацией на ценности разума и просвещения. Именно в философских курсах, прочитанных в Киево-Могилянской академии, нашли свое отражение начавшиеся, но еще далеко не законченные процессы размежевания богословия и философии и конституирования философии как особой дисциплины. Наконец, в рамках академической философии XVII в. впервые актуализируется проблема метода – проблема, важная для всей философии Нового времени. Традиционная схоластическая метафизика постепенно теряет свои позиции, на роль методологии гуманитарных наук выдвигается риторика и логика.

Формирование Московской славяно-греко-латинской Академии и начало русской академической философии

Московская академия во многом была сходна с Киево-Могилянской, деятельность которой в становлении профессионального философского образования в России трудно переоценить. Вопрос о дате открытия Московской академии по сей день относится к числу спорных. Отдельные исследователи принимают за исходную дату 1685 г., когда школа была официально признана патриархом Иоакимом. Другие историки начинают отсчет с 1687 г., поскольку именно тогда завершилось строительство здания на территории Заиконоспасского монастыря, где академия просуществовала до 1814 г. Принято считать, что история академии разделяется на три этапа. Первый из них (1685–1700 гг.) связан с именами греческих учителей, братьев Лихудов. На втором (1700–1755 гг.) преобладает латинское влияние. Третий период (1755–1814 гг.), отмеченный (с 1775 г.) деятельностью митрополита Платона (Левшина), характеризуется усилением воздействия церкви, что и привело к превращению академии в чисто духовное учебное заведение [3; 10; 16].

Первый этап существования Академии связан с именами греческих учителей, братьев Иоанникия и Софрония (светские имена — Иоанн и Спиридон) Лихудов. Братья Лихуды были чрезвычайно образованными для своего времени людьми. Они обучались философии и богословию в Венеции. Затем продолжили свое образование в Падуе, где и получили докторские дипломы. Начиная с 1670 г. – года посвящения в архиерейский чин – братья вели активную преподавательскую деятельность сначала на территории Греции и Италии. В середине 1680 гг. Лихуды переехали в Москву, где основали Эллино-греческое училище, позднее переименованное в Славяно-греко-латинскую академию, призванное, по замыслу его организаторов, соединить в себе форму традиционного западноевропейского университета с духом православной академии.

На первом году обучения в училище было всего пять учеников: Алексей Барсов, Николай Семенов-Головин, Феодор Поликарпов, Феодор Аггеев и Иосиф Афанасьев [16, с. 24]. Стараясь остерегаться «мудрования, несогласного с Православием», Лихуды вместе с тем следовали обычной схоластической традиции и ориентировались на Аристотеля – правда, не в латинизированном латино-польском варианте, а в православно-греческом варианте, ведущем свое начало от святых отцов каппадокийской школы и Иоанна Дамаскина. В 1690 г. Софроний Лихуд объявил своим слушателям, что будет преподавать логику,

следуя во всем Аристотелю; лекции по физике опирались на физику Аристотеля. При этом философия определяется Иоанникием следующим образом: она есть «разумение разумений, глаголется художество художеств, проповедуется вежество вежеств и определяется страх господен» [15, с. 81].

Активная педагогическая практика давала возможность возглавить идейную борьбу против партии «латинумудрствующих». Иоанникий и Софроний Лихуды, оставили после себя множество полемических сочинений. Исторически эта полемика закончилась для Лихудов скорее победой, нежели поражением: правительство царевны Софьи, покровительствовавшей образованности латино-польского образца, пало. Новое правительство не успело выступить с более или менее определенной программой, а патриарх Иоаким был убежденным противником латино-польской и южнорусской образованности, служившей в киевской школе средством для интриг малороссийского духовенства против подчинения его московской власти [19]. Именно благодаря содействию патриарха Лихудам удалось получить ректорство в академии; кроме того, приверженцы православно-греческой образованности были и сторонниками знаменитой православно-политической теории о Москве – третьем Риме, противопоставляемой как латинствующим, так и старообрядцам. Настаивая на очищении русского православия от искажений, они тем самым упрочивали те основания, на которых держалось международное значение Московского государства и государя.

В целом философию братьев Лихудов можно охарактеризовать как склонную к трансцендентализму, в основном креационистскую [17, с. 32]. Это находило свое выражение в том, что Лихуды различали два идеальных, внебытийных принципа природных вещей. Внешний принцип считался трансцендентным земному миру, внутренний – имманентным. Первый, отождествляемый с Богом, рассматривался как неподвижный перводвигатель, приводящий в движение все, что существует в природе, второй, пребывающий в зависимости от первого, выполнял распределительные функции в становящемся, действительном бытии. Вопрос о том, в какой степени братья Лихуды испытали влияние аверроизма — (аверроизм, как философское направление, существовал в Падуанском университете, который окончили Лихуды, на всем протяжении XVII в.) – до сих пор остается открытым, ввиду недостаточной изученности философских курсов, принадлежащих основателям Московской академии.

Заключение

Активное влияние культуры Западной Европы эпохи Нового времени, для которой характерно инструментальное восприятие рассудка, сделало в России к эпохе петровских преобразований актуальным изучение философии как науки о методе и о познании, а также логики как вспомогательной философской дисциплины, изучающей способы правильного рассуждения [8]. В этот период философия и логика начинают активно преподаваться как особые дисциплины вначале в православных братских школах в литовско-русских землях Речи Посполитой, а позднее в Киево-Могилянской и Московской славяно-греко-латинской академиях [2].

Список литературы

1. Аскоченский В. Киев с древнейшим его училищем Академией. Ч. 1. Киев: Унив. тип., 1856. 370 с.
2. Бельский В.Ю., Майкова В.П., Молчан Э.М., Ильченко Д.А. Русская философия как практическая наука. М.: «Спутник+», 2022. 180 с.
3. Браиловский С.Н. Очерки из истории просвещения в Московской Руси в XVII в. М., 1890. 336 с.
4. Булгаков М. История Киевский духовной академии. СПб.: тип. К. Жернакова, 1843. 226 с.
5. Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII столетия. Киев: тип. И.И. Горбунова, 1903. 379 с.
6. Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев: тип. Корчак-Новицкого, 1883. Т. 1. 559 с.
7. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: в 9 т. М., 1898. Т. 5. 478 с.
8. Колесниченко Ю.В. Актуальные проблемы современного российского просвещения (логика и психология как учебные предметы) // Философия образования и диалог поколений: сб. науч. тр. XXIX Междунар. конф. Санкт-Петербург, 2023. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2023. С. 262–266.
9. Летопись Зубрицкого // Журнал Министерства Народного просвещения, 1849. № 4; №5.
10. Макарий (Булгаков М.П.). История русской церкви. Т. 1–12. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1883. Т. 11. 647 с.
11. Ничик В.М. Основные направления философской мысли в Киево-Могилянской академии: автореф. ... д-ра филос. наук. Киев:, 1978. 47 с.
12. Памятник Киевской временной комиссии. Киев, 1853. Т. I. Арх.: НБУВ ИР. Ф. 1. Д. 11850.
13. Петров Н. Киевская академия во второй половине XVII века. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. 171 с.
14. Румянцева В.С. Ртищевская школа // Вопросы истории. 1983. № 5. С. 179–184.
15. Смеловский А. Братья Лихуды и направление теории словесности в их школе // Журнал министерства народного просвещения. 1845. № 3. С. 31–96.
16. Смирнов С.К. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М.: в Тип. В. Готье, 1855. 428 с.
17. Стратий Я.М. Проблемы натурфилософии в философской мысли Украины XVII в. Киев: Наук. думка, 1981. 208 с.
18. Сумцов Н. К истории южно-русской литературы XVII в. Вып. II, III. Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1884. 44 с.
19. Терновский С. Исследование о подчинении Киевской митрополии Московскому патриархату // Архив ЮЗР. Киев. 1872. Т. 5. С. 111–169.
20. Флоровский А.В. Латинские школы в России в эпоху Петра Первого // Восемнадцатый век. М.; Л.: Б. м., 1962. Сб. 5. С. 316–335.

The formation and development of the domestic philosophical and logical tradition in theological educational institutions of the second half of the 16th – early 18th centuries

V.A. Inozemtsev¹, V.Y. Ivlev^{1,3}, M.L. Ivleva²

¹ Bauman Moscow State Technical University, Moscow

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

³ Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The purpose of this article is to study the formation of a tradition of teaching philosophy and logic within the movement known as «Russian scholasticism». This article analyzes the phenomenon of «Russian scholasticism», spanning the historical period from the late 16th to the early 18th centuries and associated with the activities of Orthodox theological educational institutions: Orthodox fraternal schools that emerged in the second half of the 16th century in the Lithuanian-Russian lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth, and the Kiev-Mohyla Academy and the Moscow Slavic-Greek-Latin Academy that emerged in the second half of the 17th century during the pre-Petrine era. Based on the study of this phenomenon, it has been established that during this period, monastic education and scholarship, based on the personal practice of communication between a mentor (confessor) and students and aimed at shaping the student's spirituality, were replaced by scholastic scholarship, which conveyed a certain body of knowledge that was theologically oriented but not directly dependent on the teacher. A gradual transition toward the development of education in the modern sense of the word is underway. The results of the study can be used to improve the methodological competencies of both teachers of philosophical disciplines and students.

Keywords: *philosophy, logic, «Russian scholasticism», theological educational institutions, Orthodox fraternal schools, Kyiv-Mohyla Academy, Moscow Slavic-Greek-Latin Academy.*

Об авторах:

ИНОЗЕМЦЕВ Владимир Александрович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии (СГН-4), ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (Национальный исследовательский университет), г. Москва. E-mail: inozem_63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4693-5624>

ИВЛЕВ Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии (СГН-4), ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана» (Национальный исследовательский университет)», г. Москва; профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва. E-mail: vitalijivlev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5862-6378>;

ИВЛЕВА Марина Левенбертовна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии, ФГАОУ ВО

«Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», г. Москва.
E-mail: ivleva_ml@pfur.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2901-7503>

Authors information:

INOZEMTSEV Vladimir Aleksandrovich – PhD (Philosophy), Associate Professor, Professor of the Philosophy Department (SGN-4), Bauman Moscow State Technical University (National Research University). E-mail: inozem_63@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4693-5624>

IIVLEV Vitaly Yuryevich – PhD (Philosophy), Professor, Head of the Philosophy Department (SGN-4), Bauman Moscow State Technical University (National Research University); Professor of the Department of Humanities at the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow. E-mail: vitalijivlev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5862-6378>

IVLEVA Marina Levenbertovna – PhD (Philosophy), Prof., Head of the Department of Social Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow. E-mail: ivleva_ml@pfur.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2901-7503>

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.10.2025.

Дата принятия рукописи в печать: 21.11.2025.